

ЭМИЛЬ КИО: «СЕЙЧАС ПОПУЛЯРНО ИМЕТЬ НЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ, А СРЕДНЕЕ СООБРАЖЕНИЕ...»

— Эмиль Эмильевич, в вашей семье — семье потомственного фокусника — любили читать книги?

— Особой любовью к книге в нашей семье отличалась наша мама. Она читала целые ночи напролет. Папа читал меньше, но не потому, что не любил читать: просто у него было мало свободного времени. Я же стал самостоятельно читать книги после того, как научился складывать буквы в слова. Признаться, в школе я не любил читать все то, что было задано по программе... Естественно, самыми первыми моими книгами были романы Дюма. Сейчас со чтением у меня большая проблема — та же самая, что была у папы: мало свободного времени. Если же оно появляется, с удовольствием читаю мемуары — пока, правда, не свои. Мое пристрастие — воспоминания чекистов и политиков.

— Интерес к мемуарам у вас — чисто возрастное?

— Нет. Когда я читаю мемуары своих ровесников или людей постарше меня, я вспоминаю свое время. Мемуары, которые написаны более древними людьми, интересно читать с познавательной точки зрения.

— Не пытались ли вы написать книгу своих воспоминаний?

— Пока нет. В свое время мой папа Эмиль Теодорович Кио написал книгу «Фокусы и фокусники». Она вышла в 1958 году. В ней он описал собственную жизнь, семью, работу, личные наблюдения — вплоть до 1958 года. Мне предлагали продолжить эту книгу — написать о времени с 1958 года по сегодняшние дни. Но у меня нет ни времени, ни способностей к написанию такой книги. Может быть, со временем обострится желание высказаться и найдется литератор, который мне поможет это сделать.

— Какая книга повлияла на вашу жизнь, стала книгой вашей жизни?

— В разное время это были разные книги. Среди них, безусловно, была «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова. Не могу даже сказать, сколько раз перечитывал эти романы. В свое время эта книга была у меня настольной, точнее разбейной. Я брал ее с собой на гастроли и сравнивал нашу жизнь с событиями этой книги. Юмора и в книге, и в жизни было предостаточно.

— Остап Бендер, в своем роде, фокусник в прямом и переносном смысле. Если вспомнить... Читая эту книгу, вы уже знали, что будете иллюзионистом?

— В детстве я об этом не задумывался. Ребенком я жил в необычном мире, можно сказать, необычной стране, где ходят не на ногах, а на руках, где обычным делом было хождение по канату на большой высоте, где взрослые кувыркали как дети, подбрасывали в воздух множество предметов, а они не падали на землю... А мой папа показывал чудеса, которые было невозможно объяснить. Мне, как любому цирковому ребенку, хотелось научиться тому, что делали вокруг меня. Меня никто не заставлял это делать, но очень скоро я научился делать многие цирковые трюки, даже жонглировал пятью предметами. Естественно, мне хотелось удивлять зрителей, как это делал папа. Учился в школе, а затем в институте, я показывал своим одноклассникам и сокурсникам простые фокусы — на уровне художественной самодеятельности.

— В институте вы учились на фокусника?

— У меня диплом инженера-градостроителя. Я даже два месяца проработал по специальности — в тресте по строительству набережных и мостов.

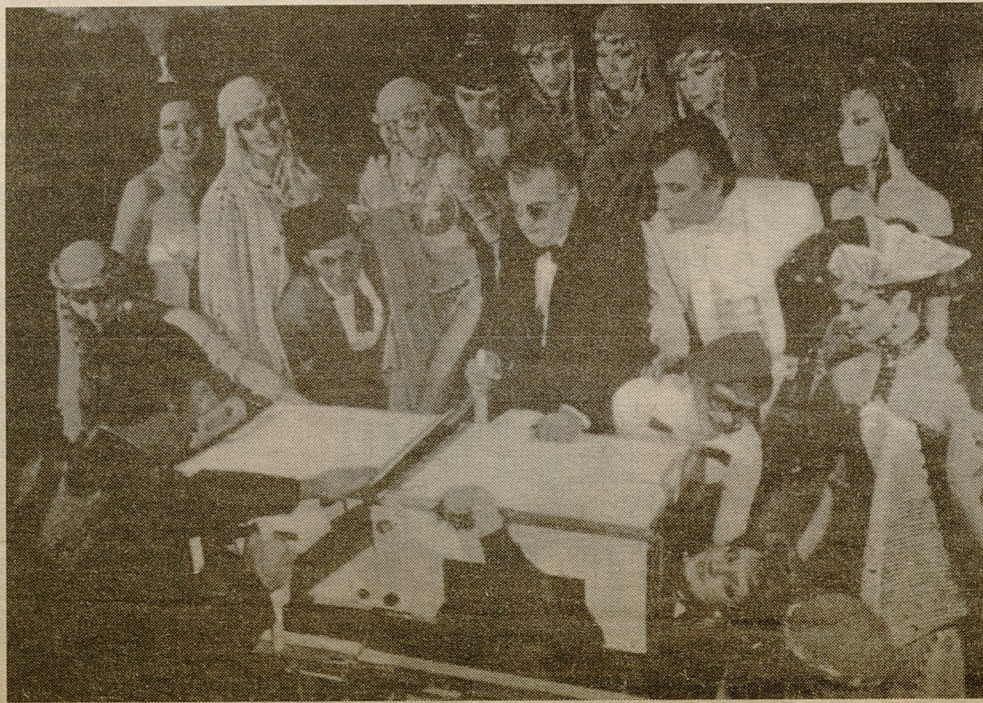
— И что же построил Эмиль Кио-строитель?

— Начну с того, что учился я довольно-таки неплохо. По моему дипломному проекту в Рязани построена театральная площадь. Кстати, это был первый случай в нашем институте, когда дипломная работа студента была осуществлена в натуре. За эту работу Министерство высшего и среднего специального образования наградило меня медалью за лучшую научную студенческую работу в СССР.

— Невероятное везение! Может быть, помогла ваша фамилия?

— Фамилия абсолютно ни при чем. Мой проект победил в конкурсе — и как следствие этого воплотился.

В ЕГО послужном списке — свыше десяти тысяч представлений — десяти тысяч аншлагов. Он может распиливать и сжигать женщин. Причем этому радуются и те, кого он распиливают, и те, кто сидит в зрительном зале. Если когда-нибудь он напишет книгу, она обязательно станет бестселлером. Потому что он обязательно выдаст в ней секреты своего волшебного мастерства. Когда мы встретились с ЭМИЛЕМ КИО, нам хотелось услышать от него ответы на все-все-все вопросы на свете. Поэтому, может быть, наша беседа оказалась такой разбросанной. Но коэффициент интересности ее от этого не пострадал. Судите сами.

— Почему вы не продолжили так блистательно начавшуюся карьеру архитектора?

— Скорее всего, сказался зов крови. Говорят, тот, кто переступил барьер манежа, добровольно отсюда уже не уходит. Я с детства хотел работать в цирке. Но папа, у которого не было высшего образования, считал, что современный человек должен обязательно его получить: получи диплом, а уж потом можешь идти работать, куда хочешь — хоть в цирк, хоть дворником... Это сейчас популярно не иметь высшего образования, а иметь среднее образование. А в те годы иметь диплом инженера считалось престижно и почетно. Кстати, тогда в ГИТИСе еще не было циркового отделения. Технические же знания, полученные в институте, впоследствии очень помогли мне при проектировании моего реквизита (а реквизит в моей профессии очень важен!), и я, между прочим, могу с конструкторами и инженерами изъясняться на понятном для них техническом языке.

— Интересно, как к вам и вашим фокусам относились одноклассники?

— Раньше, еще до отца, фокусники и иллюзионисты любили выдавать себя за особенных людей, связанных с чем-то потусторонним. Мол, черная магия, колдовство... Мой папа первым из иллюзионистов сбросил со своих выступлений покров таинственности. В начале своей карьеры он выходил, как тогда было принято у иллюзионистов, в халате и чалме, работал в восточном стиле. Своего рода волшебник и чародей. Потом папа понял, что зритель растет, становится культурнее, в чудеса уже никто не верит... Он избавился от восточной атрибутики и стал выходить на манеж в обыкновенном костюме или смокинге. Тем самым он хотел подчеркнуть, что никакой он вовсе не волшебник, а просто загадывает зрителям загадки и головоломки. Людям вообще свойственно разгадывать загадки, ребусы, кроссворды. Когда папа гастролировал в Москве, мы всем классом приходили на его выступления. Мои одноклассники не относились ко мне как-то особенно. Они понимали, что у каждого родителей есть своя профессия. Работа есть работа!

— Но работа у станка и работа на манеже с фокусным реквизитом — не одно и то же. У циркового артиста есть свои особенные секреты...

— Вы правы. Секреты есть, и их очень много. Часть этих секретов знают ассистенты, которые работают в программе. Между прочим, лично я своими маленькими тайнами делился на протяжении шестнадцати лет — с 1976-го по 1992 год с читателями жур-

нала «Юный техник». В этом журнале у меня была фирменная рубрика «По ту сторону фокуса». Она предназначалась для маленьких читателей и учила их мастерить магический инвентарь, чтобы участвовать в художественной самодеятельности. Позже выяснилось, что эту рубрику читали не только дети. Когда однажды я приехал с гастролями во Львов, ко мне подошла пожилая супружеская пара. Они рассказали, что после выхода на отдых сколотили группу пенсионеров: одни пьют, другие танцуют, а сами они решили выступать с фокусами — на основе моих публикаций. Они попросили меня помочь с некоторыми номерами, которые у них не получались. Я с радостью помог им. Так что возрастного ценза для всех, кто интересуется фокусами, не существует!

— Вы хотите сказать, что иллюзионистом или фокусником может стать каждый?

— В принципе, да. Особенно, если есть большое желание. Но в иллюзии главное — не просто показать фокус, а уметь его преподнести публике. Однажды на гастролях в Одессе я заметил, что из представления в представление на первом ряду сидит один и тот же человек с книгой иллюзиониста Вадимова, в которой были раскрыты секреты всех наших фокусов. В конце концов, я подошел к нему и заинтересовался причиной столь пристального внимания. Он ответил, что поражен тем, что один и тот же фокус я показываю на каждом представлении по-разному... Это во многом зависит от артистизма и режиссуры. Научиться этому очень трудно. В моем случае добиться этого результата было довольно просто: я вырос в этой среде, много гастролировал с папой, пять лет работал с ним в цирке. Папа (вынесем за скобки все родство!) был великим иллюзионистом. В 1960 году он был признан лучшим фокусником в мире. Это произошло в Англии, куда он приехал на гастроли. На его представление съехались фокусники со всего мира — из США, Франции, Швеции, Дании... После представления Международный магический клуб присудил ему первое место. На следующий год в Дании Международная артистическая Ложа вручила ему золотую медаль. Это был четвертый случай, когда артисту цирка присуждалась такая высокая награда. Первым был воздушный гимнаст, испанец по национальности, Кадонов (он первым сделал тройное сальто-мортале); вторым — итальянский жонглер Ротали; третьим — немецкий клоун Грот; папа стал четвертым. Кстати, между третьим обладателем медали и четвертым — временной отрезок в четверть века!

— Участвуете ли вы сейчас в профессиональных конкурсах?

— Нет, не участвую: очень громоздкий реквизит, дорогая доставка... Профессиональные конкурсы, естественно, проводятся, но я принимаю в них участие только как член жюри. Между прочим, на последнем конкурсе иллюзионистов (это что-то вроде чемпионата мира!) победили наши иллюзионисты Любовь и Иван Нечипоренко.

— Много ли в России хороших фокусников?

— У нас достаточно хороших иллюзионистов. Например, народный артист России Юрий Аверино, Альбина Зотова (она показывает иллюзии на льду), выступала Наталья Рубанова, ныне передавшая свой аттракцион своей племяннице, Лидии Абдулаева... Хороших иллюзионистов очень много! Но мой отец, как ни пафосно это звучит, является родоначальником отечественных иллюзий. Его имя стало нарицательным. Если помните, то в некоторых фильмах об особо искусных проходивших из тех, кто умел облапошить окружающих, говорили: прямо как Кио! По большому счету, нам с братом в своей профессии было намного легче, чем другим, не надо было создавать имя!

— Почему иллюзионисты — семейная, или, скажем так, клановая профессия?

— Так сложилось, что цирковые училища не готовят иллюзионистов и дрессировщиков. Скорее всего, это не профессия, а призвание. Для него нужна определенная среда, определенная обстановка. В моем случае судьбу предопределила моя семья.

— В вашей семье существовала проблема «отцов и детей»?

— Родители видели в нас продолжателей своего дела. Поэтому они ненавязчиво, тонко, мягко учили нас постигать нюансы профессии. У нас с братом не было с родителями особенных разногласий. Все занималось одним делом — любимым. Родители для нас были безусловными авторитетами, учителями. Еще Толстой говорил, что человек учится думать и думать только до пяти лет, а потом идет сбор информации. Мы не чувствовали никакого диктата со стороны родителей, все проходило естественно и ненавязчиво. Проблемы «отцов и детей» в нашей семье не было.

— Вам часто говорили в детстве «нельзя»?

— Меня с самого детства приучили быть человеком слова, не обманывать. Нельзя пообещать — и не сделать! Это и был принцип воспитания, принцип обещания.

— Не появлялась ли у вас идея создать в Москве что-то вроде Углов Дурова. Например — Углов иллюзий Эмиля Кио?

— Это была мечта моего папы — создать Театр иллюзий Кио. Конечно, мне бы очень хотелось, чтобы мечта папы осуществилась. Но сейчас это сделать практически нельзя без посторонней влиятельной помощи. Это должно быть уникальное учреждение, где по вечерам идут представления, а днем желающих учат делать фокусы. Идея просто фантастическая!

— Существует ли аналог такого Театра иллюзий?

— Такого театра нет во всем мире, хотя идея лежит на поверхности. Что-то похожее делают иллюзионисты братья Зигфрид и Рой: они вот уже 15 лет работают в отеле «Мираж» в Лас-Вегасе, пользуются колоссальной популярностью и стали достопримечательностью Лас-Вегаса. Нужно ли говорить, что это — финансовая находка отеля? Я с ними знаком. Сначала познакомился с господином Зигфридом в Осаке, когда он пришел на мое представление. После представления мы долго с ним беседовали. Он рассказал мне, что толчком к его карьере иллюзиониста послужило мое выступление: когда-то давно он с братом пришел на мое представление — просто так поглазеть. Их поразили номер: юношу и девушку сажает в отдельные шары, поднимают над манежем — и меняют местами. Трюк довольно сложный. Естественно, он произвел на зрителя большое впечатление. Так вот, по словам Зигфрида, именно этот трюк произвел изменения в их судьбе: они эмигрировали из ГДР в США (в то время это был поступок), и их взял под свою крышу уважаемый отель...

— А к вам поступали предложения эмигрировать?

— О том, чтобы навсегда уехать из России, не может быть и речи! К тому же у меня сейчас длительные гастроли в Японии. Я езжу с выступлениями в Страну Восходящего Солнца с семидесяти годов. Последние шесть-семь лет живу полгода в России — полгода в Японии. Так исторически получилось. В Японии уже сложилась моя публика, постоянные зрители, создан реквизит, который просто невозможно привезти в Москву ни по воздуху, ни по воде: дорожные тарифы сделали все эти коробки из дерева и картона буквально золотыми!

— Хотите задать вам один вопрос, который вас, наверное, уже достал: Дэвид Коперфильд, в самом деле, делает уникальные, никем не повторимые иллюзии?

— Конечно для меня, да и для всех профессиональных фокусников шоу Коперфильда никакая не загадка. Он молод, хорош собой, поэтому часть славы списал помимому сцене. Он хороший манипулятор, пластичен. То, что он делает, можно назвать модным нынче словом «клип». Коперфильд делает клипы на сцене. Я не был на его московском представлении, но мои знакомые делились впечатлениями. Говорили, что представление немного затянато, оттого как бы распыляется из-за пауз. Его очень хорошо смотреть по телевизору, на видео, где представление уже смонтировано... Кстати, многие фокусники, разрабатывавшие какие-либо иллюзии, нередко продают свои новинки Коперфильду за приличные деньги. У Коперфильда очень хорошая команда профессионалов — режиссеры, осветители, пиротехники...

— Ну, а вы летать, как он, можете?

— Это не самый сложный трюк. При наличии современных технологий можно сделать очень многое.

— В каком возрасте, на ваш взгляд, человек наиболее удивляем?

— Для нас, иллюзионистов, самый «страшный» зритель — дети. Они очень часто догадываются о механизме фокуса. Дети не обременены высоким образованием, законами физики... Любую проблему они решают элементарно. Однажды после представления ко мне подошел мальчик и передал пухлую тетрадку, в которой описал механизм всех моих фокусов. Представляете, на семьдесят процентов угадал! Если же расспросить после моего представления две тысячи взрослых, они вам дадут две тысячи решений, исходя из своего образования, личного опыта и субъективного мнения. Безнадежное дело! Ну, может быть, один только ответ будет правильным.

— Что является характерной чертой российского зрителя — юмор, любознательность?

— Юмор — явление, не имеющее границ и возраста. А вот что касается любознательности, — это наша, отечественная черта. Иностранцы смотрят представление для того, чтобы насладиться зрелищем. В нашем же зрители постоянно идет мыслительный процесс. Впрочем, в последние годы наш зритель изменился. Несколько месяцев назад я давал представление в Санкт-Петербурге и очень отчетливо это заметил. Современный отечественный зритель стал более раскрепощенным, открыто проявляет эмоции, хлопает, топает. Раньше российский зритель был значительно сдержаннее.

— Интересуются ли иллюзионисты политикой?

— Постольку-поскольку. Политические веяния меньше всего отражаются на мне. На папе политика сильно отражалась и

влияла на его жизнь. В разгар борьбы с космополитизмом кто-то решил, что иллюзия чужда советскому строю. Зачем это на манеже стоит этакий господин в смокинге и бабочке? На счастье, в цирк пришел какой-то член Политбюро, увидел фокусы в исполнении отца — и жанр оставили в живых!

— Читатели не поймут нас, если мы не зададим вам несколько личных вопросов, поскольку ваша семья всегда была объектом всеобщего внимания. По Москве упорно ходят слухи о том, что вы находитесь в натянутых отношениях со своим братом — Игорем Кио и будто бы виновницей этого является покойная Галина Леонидовна Брежнева.

— Какая чушь! У нас с Игорем нормальные братские отношения. Мы с ним — немного разные, но выбрали одинаковую профессию. Эта профессия подразумевает длительные гастроли. Может быть, поэтому мы так редко видимся, редко появляемся вместе в обществе. Наверное, это и дает пищу для слухов. И уж, тем более, мои отношения с братом никак не связаны с Галей Брежневой, Царствие ей Небесное!

Для того чтобы объяснить наши отношения с Игорем, коротко расскажу историю нашей семьи и брака Игоря и Галины: дело в том, что у нас с Игорем один отец — Эмиль Теодорович Кио, но разные матери. После смерти отца весь его репертуар перешел к Игорю. Кстати, репертуар перешел к нему еще и потому, что его мать была ассистенткой у отца. Мне пришлось делать свою программу. На теперешний момент у нас с ним остался единственный одинаковый номер — сожжение женщины. Несомненно на кажущийся конфликт (мол, Игорь получил весь репертуар готовым, а я начинал с нуля), ни для меня, ни для Игоря этот факт не являлся яблоком раздора.

Что касается женитьбы Игоря и Галины Брежневой, то я был непосредственным участником и наблюдателем этого события. Свадьба как свадьба. Зарегистрировали брак во Дворце бракосочетания в переулке возле улицы Кирова. Я был свидетелем со стороны жениха, свидетельницей у невесты была юная девушка по имени Наташа. Кстати, она до последних дней общалась с Галей, была ее близкой подругой. Потом мы шумно отпраздновали свадьбу в ресторане «Прага». Был очень узкий круг друзей Игоря и Гали — человек двадцать. А потом они уехали в Сочи.

— На ваш взгляд, это была настоящая любовь?

— Я в этом уверен. У Игоря это была первая любовь. Галия была значительно старше, но их чувства, поверьте мне, были самые настоящие. Галия вообще была светлым человеком. Меня поразила даже не ее внешняя красота, а то, какой она была в общении. Казалось бы, дочь Генерального секретаря, а когда мы выезжали на шашлыки, она не чуралась никакой работы. В общении была простой, одалася скромно: ситцевое платье, босиком, никаких фантастических драгоценностей я не видел.

— Правда ли, что на разводе настоял Леонид Ильич?

— Это правда. Скорее всего, Леонида Ильича насторожила существенная разница в возрасте молодоженов. Для них обоих это была личная трагедия. Потом они полгода встречались, но в силу обстоятельств дальнейшие отношения были просто невозможны. Очень жаль, что так получилось.

Беседовали Сергей КОПЫЛОВ и Александр ШУПЛОВ.

ДАЛЕКО не всегда великие современники восхищаются друг другом, обмениваются изысканными и глубокомысленными письмами и рыдают от счастья при встречах.

Подчас — все наоборот. Не счесть десятков ошибочных суждений, высказанных за последние столетия известными в обществе людьми — писателями, композиторами, художниками, общественными деятелями и т.д. о своих коллегах и современниках. А ведь к их мнению прислушивались, авторитет их был непреклонен.

Французский поэт Эжен Потье в 1856 году высказался о творчестве Балзака так: «Его романы лишены воображения, в них нет героев и сюжетов». Французский писатель Эмиль Золя «предрекал» ныне известному Шарлю Бодлеру: «Через каких-то сто лет его «Цветы зла» сочтут за библиографическую редкость». В газете «Фигаро» за 1857 год он категорически утверждал о Гюставе Флобере: «Мсье Флобер не писатель. У него отсутствует литературное дарование».

Английская писательница

И ВЕЛИКИЕ О

Вирджиния Вульф в 1922 году ополчилась против Джеймса Джойса, ставшего впоследствии классиком англоязычной литературы: «Только что прочитала «Одиссею» и нашла его неудачным... Он многословен и малопривлекателен. Текст груб не только в объективном смысле, но и с литературной точки зрения». А немецкий литературовед Эдуард Энгель в 1901 году пренебрежительно отозвался о Томасе Манне: «Будденброки» представляют собой всего-навсего два обесмысленных тома, в которых автор рассказывает незначительные истории о незначительных людях в незначительном стиле».

Не счесть, сколько молний обрушилось на Федора Михайловича Достоевского. «Ненстойкой», Вибеарий Белинский утверждал, что повесть его «Господин Прохачин» «не то умничанье, не то претензии», а повесть «Хозяйка об-

наруживает бедо вообще «нечто свою очередь, статистику Иван С. не в Николай Ал. сов на досуге соч. Михайловиче сти. ролд: «Витязь со. Достоевский м. носу литературы, как новый прищ».

Тургенев вообще себе равным с же. спесью. Так, о Гон что тот «апатичн что у него «теляч работе Чернышев чские отношения и ствительности» — ная мертвечина», поэтов незначитель зывал «мелозой».

Перейдем тепер мекий композито Иоганн Шейбе в 1 тил: «Композиции